

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

Профессор Қайрат Қабенұлы Ахмедьяровқа арналған

«КРЕДИТНО-ТЕХНОЛОГИЯЛАР ШАРТЫНДАҒЫ ОРЫС ТІЛІ:
ТӘЖІРІБЕСІ МЕН БОЛАШАҒЫ»

атты Республикалық әдістемелік семинар

Алматы, 22 ақпан 2013 жыл

Республиканский методический семинар

«РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

посвященный памяти профессора
Кайрата Кабеновича Ахмедьярова

Алматы, 22 февраля 2013 года

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.АЛЬ-ФАРАБИ

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ
КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ»,**

посвященный памяти профессора

Кайрата Кабеновича АХМЕДЬЯРОВА

Алматы, 22 февраля 2013 года

Алматы
«Қазақ университеті»
2013

ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ, УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

*У.К. Абишева
Казахский национальный
университет им. аль-Фараби*

СИСТЕМА МОТИВОВ В ЛИРИКЕ ИВАНА НОВИКОВА

В развитии художественного сознания серебряного века огромное значение имели философские идеи и лирика В. Соловьева. В русском символизме благодаря лирике философа утвердилась идея двоемирия, восходящая к Платону: земная жизнь – это всего лишь отражение, подобие «потустороннего», «незримого очами» и постигаемого только верой сверхчувственного мира «высшей» и «подлинной» реальности. Значительную роль в общей идейной атмосфере рубежа веков играла характерная для религиозного учения В. Соловьева надежда на духовное возрождение человечества к новой, лучшей жизни, христианские надежды на духовное очищение человечества, возрождение к новой, лучшей жизни. Божественная сила, призванная возродить и преобразить человечество, воплощена в стихах и трактатах философа в чистых мифологических образах Софии Премудрости, Мировой Души, Вечной Женственности, Девы Радужных Ворот, заимствованных из учений гностиков, новоплатоников и других представителей мистической философии древности.

Соловьев утверждал, что старый мир, изменившийся божественной правдой и погрязший в грехах, уже заканчивает круг своего существования и приближается «эра Третьего завета», когда на земле воцарятся милость, справедливость и истинно христианская любовь. Эти идеи оказали непосредственное воздействие ближайшего окружения поэта. Значимыми были в творчестве А. Блока. Известный исследователь лирики поэта З.Г. Минина отмечала, что «из всего наследия Соловьева важными для Блока оказываются мечты о неразорванной, гармонической жизни <...> Облик «Души мира» Блок конкретизирует, давая ему развернутую поэтическую характеристику. образу высочайшего блага и высочайшей красоты» [1, с. 182].

Поэзия и нравственный мир В. Соловьева оказали заметное влияние не только на русских символистов, но и на творчество поэтов символистского круга. Так, идеи философа оставили глубокий след в поэзии Ивана Новикова, вошедшей в сборники «Духу святому» (1908) и «Дыхание земли» (1910). Первые стихотворения молодого поэта увидели свет в ту пору, когда господствующие позиции в русской литературе завоевал символизм. А зрелый

творчество состоялось, когда в литературе уже доминировал соцреализм. Стихи, созданные молодым художником в дореволюционную эпоху, считались не более чем ученическими вещами. Ранняя лирика художника по достоинству не была оценена и не получила детального критического анализа. Ни одна его работа не прослежена, не угадана, не названа. Сам художник в зрелые годы не предпринял ни одной попытки переиздать свои ранние стихотворения. Вряд ли причиной этого является то, что Иван Алексеевич пересмотрел свои прежние представления об искусстве или отрекся от своих ранних тем. Вернее всего этот факт можно объяснить значительно изменившейся социокультурной ситуацией 1930-х годов. Ограниченная жесткими рамками, установленными государством, литература становится в большинстве своем идеологизированной и догматичной. Переиздавать свои ранние вещи для художника становится небезопасным. Официальное литературоведение советского времени также предпочло «замолчать» Новикова-поэта, стихи его на долгое время были несправедливо забыты. Лишь в 2006 году благодаря стараниям земляков поэта были переизданы стихотворения начала XX века. Это произошло благодаря инициативам директора библиотеки г. Мценска, носящей имя поэта, Л.А.Александровой, положившей много сил на то, чтобы вернуть поэзию И.Новикова из забвения. Человек преданный своему делу, возрождающий культуру родного края, Ирина Анатольевна преподнесла подарок своим землякам. Она переиздала роман И.Новикова «Золотые кресты» и сборники стихов 1908-1910-х годов. Ее инициативу по достоинству оценило Управление культуры Мценского района.

Нельзя ограничиваться лишь произведениями Новикова второго периода, творчество его будет явно неполным без учета ранней лирики. Необходимо привлекать к анализу ранние произведения, исследовать их генетические корни. В этих стихах проглядывается сложность и глубина художника, чье творчество так безжалостно трансформировала жестокая эпоха.

Генезис Новиковских циклов, как отмечает М.В.Михайлова [2], восходят к лирике А.Блока и В.Соловьева. Созданный автором поэтический мир, в замечательных по художественной экспрессивности образах, в проникновенно-волнующих словах, в удивительно гармонических звуках, выражает идеи, настроения и стремления, близкие лирике символистов. Для начинающего поэта не прошли даром уроки старших учителей, придававших большое значение мелодичности и инструментровке стиха. Главная тема стихотворения «Духу святому» (1908) – соприкосновение души лирического героя с духом святым, о том, что герой чувствует свое предназначение, свой особый путь, уготованный ему светлым Духом, охраняющим его на опасных и извилистых путях жизни. Сборник содержит пять циклов:

I. Прimitивы (про разное): «Про девочку», «Про бабушку», «Про дедушку и про внучку», «Про Мишу», «Про Улитку и про Анютку» и другие.

II. Миф: стихотворения «Миф», «До солнца», «Оттепель», «Ещё земля одета в иней», «Ранней весной», «Бегут, бегут косые тени».

III. В преддверии: стихотворения «В преддверии», «Маленькие, темные». «Вечерний гость», «Вечернего дождя прерывистые тени», «Вечерний гость». «Весеннего дождя прерывистые тени», «Вечерняя прогулка», «Дьявол бури в тоге серой», «В рамке рожи златокудрой», «Я прилетел из стран холодных и печальных», «Дитя ночи», «Избиение младенцев», «Кошмарное». «Страдающему злу».

IV. У водоёма: стихотворения «Один среди пустых покоев», «Часы». «Ночная песня», «Вечный жид (Дремлют звёзды. Млечный путь)», «Какая грусть сошла на душу», «Земля устала вечно мчаться», «Горькая жалоба». «Между узких кипарисов», «Еду в санках по поляне».

V. Вне культа: «Я проснулся утром рано», «К неизвестной», «Влажные розовой зарею», «Вдвоём: я и моя душа», «Смерть – пробуждение», «За закрытыми глазами», «Неясный сон, обманный сон», «Звёзды», «Поэт».

Как известно, в поэзии серебряного века одной из главных форм в лирике наряду с поэтическим сборником и книгой стихов была циклизация. Исследователи теории лирического цикла (Л.Ляпина, М.Дарвин), рассматривая особенности циклизации, подчеркивают, что на основании цикла стихов можно выделить то общее целое, что называется индивидуальным стилем. Связь Новикова с лирикой символистов проявляется в стремлении объединить произведения в единое целое посредством цикла. Природа лирической циклизации в обеих книгах Новикова по-символистски цельна и продумана. Автор создаёт внутри сборников циклы пейзажной и возвышенно-тонкой философско-религиозной лирики, отличающиеся объединённостью общей темой, сквозными мотивами и образами.

В циклической форме стихотворения поэта выглядят более полными, так как «потенцируют», дополняют друг друга. Каждое стихотворение в цикле является органической частью целого, то есть лирического цикла. В цикле «Миф» (стихотворения «Деревья пристально молчат», «О миг овеществленных снов!», «Раннею весной», «Бегут, бегут косые тени», «Заря», «Зима просыпалась, звеня») главной поэтической темой является возрождающаяся весной к жизни природа. Мотив единства лирического героя с природой звучит в стихотворении «О миг овеществленных снов!»

И так пою свой светлый гимн,
Как Дух, весной преображенный,
И шепот листьев так интимен
Моей души замороженный [3, с. 34].
Или:
Первая робеющая зелень,
На березах четкие сережки,

В звонах от задумчивых вечере
У порога жизни бьет дитя-весна в ладошки [3, с. 40].

Тема весеннего возрождения и человеческого «братства» с природой дискретно, прерывисто развиваясь в цикле, создаёт единую, движущуюся мелодию, центростремительное развитие лирического цикла.

Цикличность в книге стихов И.Новикова проявляется на разных уровнях. Объединяющими темами циклов поэтических сборников художника являются философское осмысление судьбы как духовного восхождения, сопряженность жизни и смерти. Это отмечается в заглавии первого сборника – «Духу Святому», близкому по смыслу к Соловьёвской лирике и философии. Заголовок второго сборника «Дыхание земли» перекликается с «Пузырями земли» А.Блока. Главная тема циклов – выбор лирическим героем собственного духовного пути, духовное искательство.

В ранней лирике И.Новикова есть второе, глубинное, главное измерение. Это история мучительного восхождения человека к личности в самом себе и внутренняя, сокровенная жизнь души героя, ее общения с Богом. Циклы, вошедшие в сборник «Духу Святому» и «Дыхание земли», отличает несколько параллельно и самостоятельно развивающихся мотивов. Следующим значимым мотивом является мотив тайной сопричастности лирического героя к вечной жизни Духа Святого. Названный мотив развивается в стихотворениях «Но что бледное в ночном», «Оттепель», «Скат холмов ещё так зелен», «Опять зелёный хоровод», «До солнца» (последний перекликается с заглавием первой Блоковской книги стихов «Ante lucem» (До рассвета).

Жду один вечерней встречи
В башне старой и огромной
Над угрюмою скалой
Вот повеют чьи-то речи,
Встанет чей-то облик темный –
Взор открытый и слепой.
Жду и слышу – реют мыши,
Как немые приведенья
С тёмным обликом судьбы
Тени гуще, тени выше;
Жажду, жажду откровенья [3, с. 33].

Как человека осеняет Божественное облако, Божественное действие любви, так и лирический персонаж художника ощущает ее повсюду, взывает к источнику любви. Его пребывание он ощущает везде – в веющем дуновении воздуха, внутри жилища и вне его, на воздухе. Лирический герой постоянно погружён в многомерные, неисчерпаемые духовные переживания. Его охватывает тихая радость, удивление, порою изумление, чувство гармонии, проясненного покоя.

Он без тени сомнения знает, что свет очищения и спасения творца омывает его. В то же время это не обычная набожность, а чувство благоговения, которое он испытывает, всматриваясь в свет. Эпитеты «светоносный», «светлый», «освященный» – наиболее частые в этом цикле. Новиков проходит со своим лирическим героем историю любви, жизни, смерти и выводит его в надмирное пространство бессмертия душ. Человек родовой, исторический становится у него сокровенным, духовным.

В разных стихотворениях, составляющих цикл, присутствуют мотивы ожидания, тайного незримого присутствия где-то рядом, поблизости Духа Святого, мотив посвящения в тайну его жизни.

Цикл «В преддверии» также обладает четкой структурой, организующей все его компоненты в определенную систему. Он представлен целым рядом произведений, развивающих тему черты между земным и иным мирами (стихотворения «В преддверии», и «И с мольбами сыновними и дочерними», «Маленькие, темные, серо-земляные», «Вечерний гость», «Дух покорности смиренный», «Смиренные мученья»). Почти по-блоковски построены в них образы «пышных и мертвых гирлянд венчальных», «стран холодных и печальных», «смерти – старухи костлявой», гробовщиков, которые бранятся и ругаются.

В этом цикле И.Новикова нет глубокого страдания от понимания неминуемых смертей, но звучит тема глубокого примирения со смертью. Стихотворения развивают мотив глубокого христианского смирения, глубина цикла – в понимании единства добра и зла, жизни и смерти. Произведения, вошедшие в «Преддверие», значимы для всего цикла, они имеют трагические печальные заглавия: «Кошмарное», «Увидел сонных, тоской объятых», «Все злобно-чадно», «Страдающему злу». Художник развивает мотив изнанки бытия, жестокой ее трагичности, а не только радостного воодушевления. Он сосредотачивается на теме единства противоположностей, теме добра и зла в равной степени присущей человечеству:

Исчезни Зло – и в тот же самый миг
Исчезнет свет, во мраке погребенный,
В бездонность Вечности полуоткрыта дверь.
Ты властно распахнуть ее навеки,
И хлынут Хаоса бунтующие реки,
И в их волнах исчезнет мира цель [3, с. 86].

Добро и Зло, жизнь и смерть, сострадание и жестокость составляют мысли художника, две стороны одного и того же единства, и следовательно существование одного обусловлено существованием другого.

В том же цикле «В преддверии» появляется образ Дьявола, Сатаны, обезумевшего гостя (стихотворения «Дьявол бури в тоге серой», «Я прилетел из стран холодных и печальных»). Это также центральный образ символистской лирики. Земной мир для лирического героя – дьявольский

ный. Художник не пытается превратить Земной мир в Рай, но показывает единство. Мотив поляризации Добра и Зла, противопоставления Бога и мира умножает и углубляет тему разнообразия мира, развивает тему взаимодействия этих полярных начал, трагичности и конфликтности человеческого бытия, объединяющего в себе противоположные начала.

Лирический монолог героя в стихотворении «Я прилетел из стран
данных и печальных» развивает тему демонической гордости и одиночества века, которому Дьявол «вложил своей души печать»:

В тиши ночей проклятых и бесплодных
Он в душу мне вложил своей души печать.
С тех пор хочу пространств широких и свободных,
Ищу постигнуть их, стремлюсь душой обнять
В тиши ночей сверкающе-холодных.
Там в глубине немых, таинственных ущелий,
У обнаженных скорбью ледяных вершин,
Внимая голосу разбуженных внизу метелей,
Познай я гордость: быть вверху – один! [3, с. 76].

Погружение в свет Всевышнего приводит к благодатному, осветленному состоянию не только лирического героя, но и к переменам в окружающем мире:

К земле склонялся кто-то низко, –
Склонялся в очи ей взглянуть.
И чудилась в прозрачном мраке
Немая греза о весне,
И бледен образ был двоякий,
Как в нежном и невинном сне.
И всё прозрачней капли пели
В мечте о рае неземном,
И, умирая, все светлели
Виденья ночи за окном [3, с. 38].

Или:

Голубеет даль полей за речкой,
Лес подернулся таинственной фатой,
Бледною молитвенною свечкой
На небе зажегся месяц золотой... [3, с. 40].

Или:

Тихо, как в храме. Топаз алтаря.
Замерли сосны, молитву творя.
Тоньше и чище, и мягче покой.

Дышит молитва в простор голубой. [3, с. 42].

Божье дыхание насылает благодать не только на душу человеческую, но и природную душу. Внешний, природный мир в лирике И.Новикова несет в

себе отображение свойств божественной природы. Природный мир в цикле «У водоема», по сути, – эфирно-материальное начало определённого духовного света (стихотворения «Один среди пустых покоев», «Часы», «Ночная песнь», «Вечный жид», «Дремлют звёзды. Млечный путь», «Какая грусть сошла на душу», «Земля устала вечно мчаться», «Горькая жалоба», «Между узких кипарисов»):

Меж застывших кипарисов
Небо звездное нависло,
Стелет свой незримый полог:
Путь не долгод! Путь не долгод! [3, с. 99].

Стихотворениям И.Новикова присуще трагически-напряжённое страдательное мировосприятие. Видение мира и человека у художника – эпическое, метафорическое. В лирике И. Новикова явственно проглядывает интерес к особому человеку, стоящему между природой и историей, небом и землей, что называется родовому. И отношение к нему – из глубины души личное, нежное, защитительное. Здесь также можно говорить о совпадении картин мира двух русских художников В. Соловьева и И. Новикова, разведенных временем, так как 1900-й год для первого стал годом ухода из жизни, а для второго 1908-й год – годом прихода в этот мир поэта.

В своей совокупности названные темы представляются неким постоянным семантическим ядром, на глубинном уровне пронизывающим всю поэзию И.Новикова. Придавая ранним сборникам значительное тематическое единство, они и предоставляют, на наш взгляд, необходимый ключ к их осмыслению.

Но есть и отличия новиковской лирики от символистской. Поэзия символистов отличала намеренная размытость, зыбкость конкретных смыслов. Им было важно не называть предмет, а выразить его ощущение. Они стремились к символизации, к сотворению бесконечно многозначного образа символа, часть смыслов которого уводит в метафизические, сакральные, интуитивные сферы. Новиков же создает свои произведения в период, когда сами символисты отходят от мистицизма, стремятся к «реалистическому символизму». Образный строй его поэзии менее умозрителен, более конкретен. Но, несмотря на это, поэтические образы художника индивидуальны и разнохарактерны и вариативны. Все унаследованное от русского символизма Новиков органически освоил и творчески переработал, создав в результате оригинальные и талантливые стихи.

Литература

1. Минц З.Г. Об эволюции русского символизма: (К постановке вопроса: тезисы) / В сб. «Русский символизм: Избранные труды»: В 3 кн. – СПб.: Искусство, 2004. – Кн. 3: Поэзия русского символизма. – С. 175–189.
2. Новиков И. Золотые кресты: роман; послесл. М.В. Михайловой – Мценск: Центр городской библиотека им. И.А. Новикова, 2006. – 288 с., ил.
3. Новиков И. Духу Святому. Первая книга стихов – М., 1908.
4. Новиков И. Дыхание земли. Вторая книга стихов. – М., 1910.

Республиканский методический семинар
**«РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ»,**
посвященный памяти профессора Кайрата Кабеновича АХМЕДЬЯРОВА

ИБ № 17

Подписано в печать 06.02.2013 г. Формат А4. Бумага офсетная.

Объем 26,75 п.л. Тираж 500 экз.

Издательство «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.

Отпечатано в типографии издательства «Қазақ университеті».